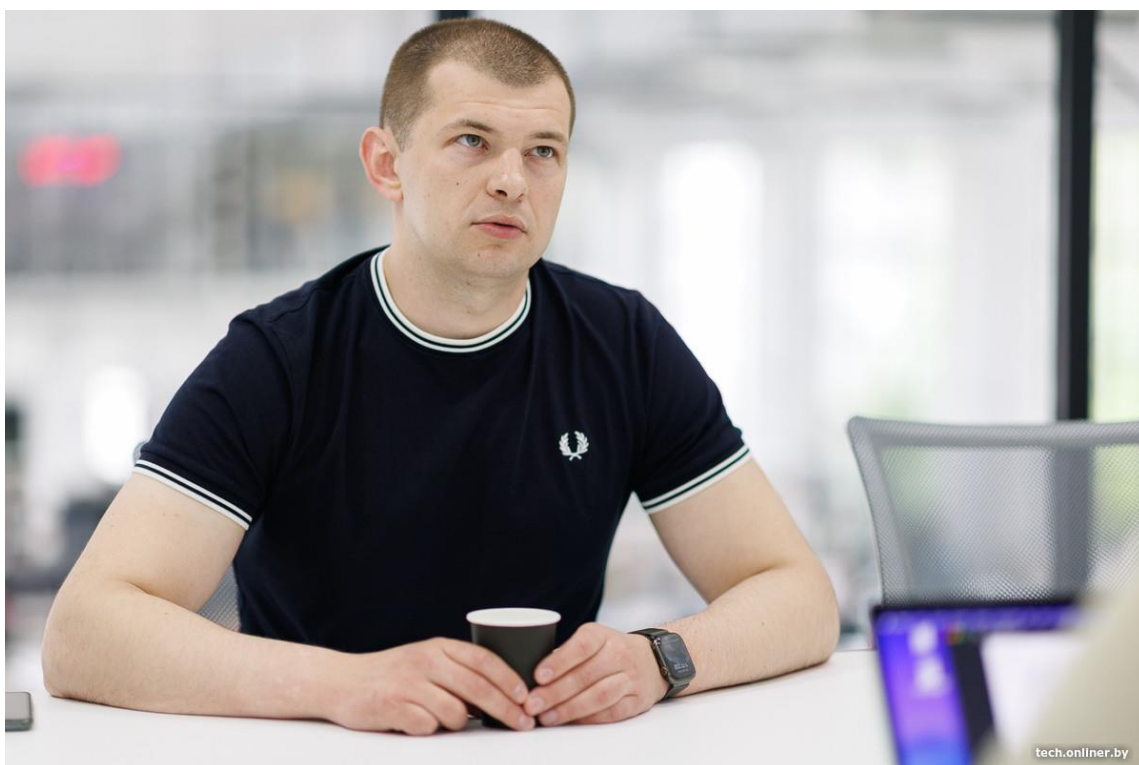

«Последнее, что можем сделать для близких». Зачем айтишник пошел в ритуальный бизнес?

Максиму немногим больше 30 лет. В юности он учился на повара-кондитера, потом поступил в БГУИР, ушел в IT и более десяти лет трудится разработчиком. За это время он успел поработать в геймдеве, разрабатывал ИИ-сервисы, а также корпоративные платформы. Но несколько лет назад вместе с другом мужчина занялся еще одним весьма нетривиальным делом — теперь они создают памятники, заодно благоустраивая места захоронений. Ниже — разговор о технологиях, смерти и необычной отдушине.

Хотел стать кондитером, но поступил в БГУИР

Просим Максима кратко рассказать о себе: откуда он, чем увлекался в юности и повлияло ли это на работу в будущем?

— Сам я из Борисова, но уже давно живу в Минске. Мне недавно исполнилось 32 года. До девятого класса я учился в обычной общеобразовательной школе, но после поступил в политехническую школу, там же получил специальность повара-кондитера.

Как уточняет Максим, полноценно поработать в этой роли у него не получилось: все ограничилось производственной практикой. Уточняем, как вообще тогда в голову пришла мысль освоить это дело?

— Мне, в принципе, всегда нравилось готовить — тогда подумал: почему бы и нет? Но ожидания не сошлись с реальностью: мне интереснее было узнавать новые рецепты, учиться делать крутые блюда. А изучали мы, условно, устройство машины для очистки картофеля. Что-то достаточно базовое для, возможно, столовых, а не высокую кухню.

А еще во время учебы параллельно на военной кафедре он также получил звание офицера запаса. Что, учитывая профессию отца, который также был военным, для него оказалось важным.

«Хотел развивать свои продукты»

— Но все-таки мой основной вид деятельности — IT-сфера. Работать официально начал с конца второго курса, а на четвертом параллельно вместе с несколькими ребятами из университета стали думать о своем деле.

В то время я часто ездил на общественном транспорте и искренне не понимал: у меня в руках уже есть [банковская] карточка с NFC-протоколом. При

этом проездные, которые я покупаю в метро, ожидая в длинных очередях, работают аналогичным путем — нужно просто разработать софт.

А еще во время учебы параллельно на военной кафедре он также получил звание офицера запаса. Что, учитывая профессию отца, который также был военным, для него оказалось важным.

«Хотел развивать свои продукты»

— Но все-таки мой основной вид деятельности — IT-сфера. Работать официально начал с конца второго курса, а на четвертом параллельно вместе с несколькими ребятами из университета стали думать о своем деле.

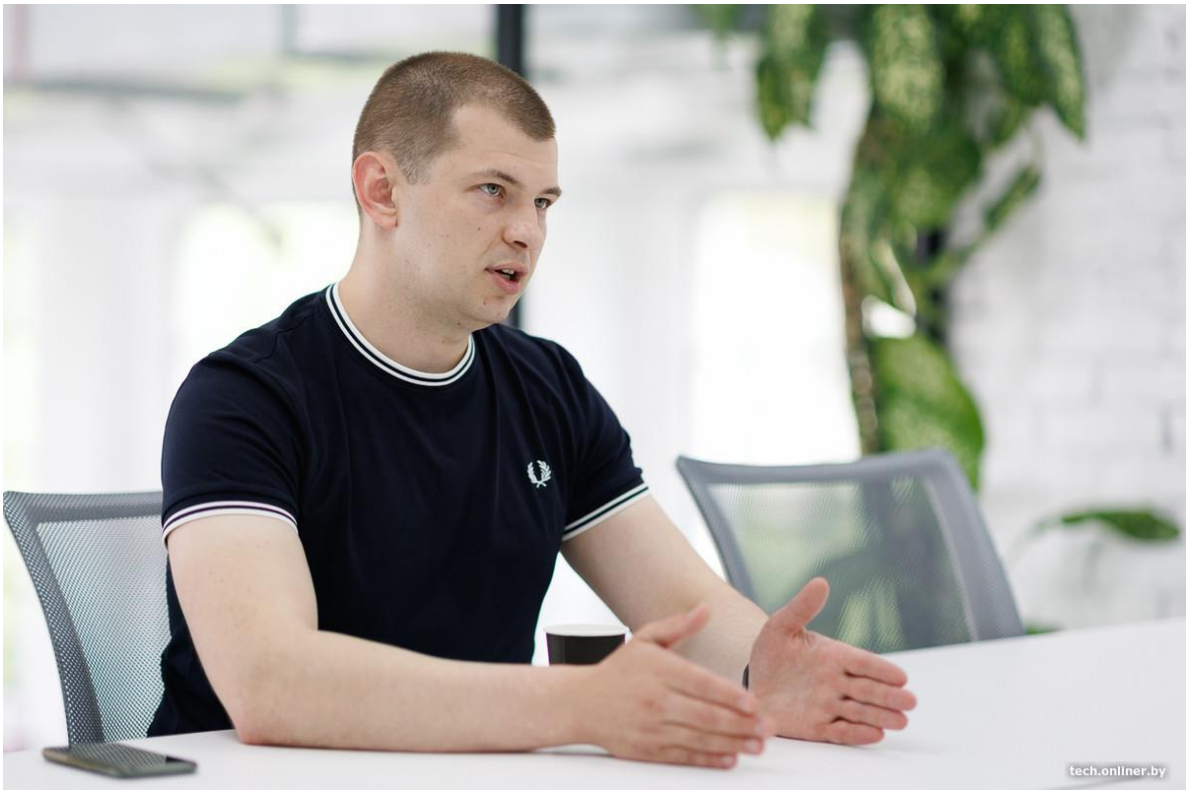
В то время я часто ездил на общественном транспорте и искренне не понимал: у меня в руках уже есть [банковская] карточка с NFC-протоколом. При этом проездные, которые я покупаю в метро, ожидая в длинных очередях, работают аналогичным путем — нужно просто разработать софт.

Как продолжает Максим, это стало его первой идеей фикс. Вторая заключалась в разработке системы, аккумулирующей скидочные карты. *«Я не люблю носить с собой много вещей, толстые кошельки с карточками. А ведь все сводится к тому, что мы просто сканируем штрих-код»*, — добавляет мужчина.

— На базе этих идей познакомился с ребятами с параллельного потока. У них были примерно такие же идеи — нас свел один общий знакомый. Так и решили собраться, открыть свою компанию и разрабатывать продукты. Всего нас было пять человек. Кто-то занимался юридическими вопросами, кто-то — аутсорс-направлением, я — продуктовым, разработкой.

По рассказу собеседника, все это приходилось совмещать как с основной работой, так и с учебой в университете. При этом в определенный момент аутсорс-направление их небольшого «стартапа» стало приносить «реальные, живые деньги».

И коллеги, как утверждает Максим, захотели полностью уйти в эту сферу, хотя молодому человеку подобное интересно было в куда меньшей степени.

— Мне больше хотелось развивать свои продукты — я понимал: аутсорсом постоянно заниматься просто не хочу. В тот момент на основной работе [в геймдеве — мобильные игры] в продуктовой компании меня все устраивало. Сидишь, изучаешь что-то новое, прорабатываешь достаточно глубоко технические моменты — вот что было интересно с инженерной точки зрения. А не просто пилить какие-то фишки.

Был в геймдеве, работал над менеджером паролей, делает интеграционную платформу

В итоге, как заключает Максим, он вышел из состава учредителей компании, но в целом начиная с университетских времен у мужчины накопилось около 12 лет непрерывного стажа в сфере.

— Работал в различных компаниях как на стороне бэкенда, так и со стороны фронтенд-разработки. Пробовал себя в геймдеве, с мобильными играми. Работал в компании, которая создавала менеджер паролей и аутентификатор. Был опыт и с проектами с использованием ИИ — делали решения, где естественный язык конвертировался в SQL. Условно, пишете запрос, как в ChatGPT, а система анализирует базу данных, собирает нужные, приводит их в «человеческий вид» и выдает юзеру.

Сегодня специалист трудится в компании «Электронная экономика», где возглавляет разработку на .NET-технологиях — в частности, занимается интеграционной платформой E-Flow. По объяснению Максима, в средних и крупных по размеру компаниях зачастую накапливаются информационные системы, которые разрабатывались в разное время и на разных технологиях. Итог — они плохо взаимодействуют друг с другом. По словам Максима, решение, над которым он работает с командой, — выступает «единым слоем» для обмена данными между разрозненными системами.

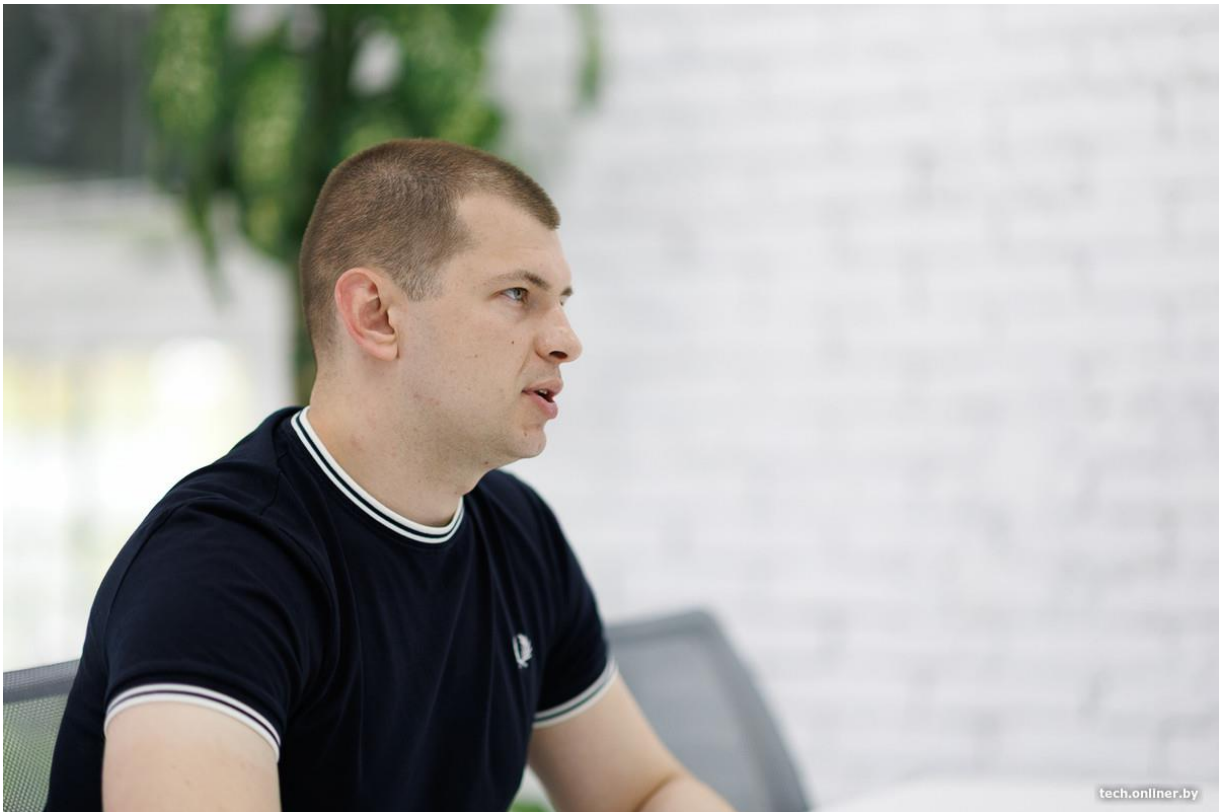
Открыл с другом ритуальное дело

Впрочем, история Максима интересна по еще одному, достаточно неочевидному бизнесу: мужчина вместе с партнером занимается ритуальным делом. Если точнее, то созданием памятников и благоустройством мест захоронений. Спрашиваем, откуда в принципе образовался подобный интерес, учитывая, на первый взгляд, не особо согласующуюся профессию.

— У меня есть друг. Он — сын моего крестного, наши семьи очень плотно общались. Крестный занимался памятниками, но в какой-то момент его не стало, а бизнес со временем пришлось закрыть. Позже с другом решили развивать подобное дело с нуля, с накопленным опытом.

Мы решили, что друг возьмет на себя операционную деятельность: обработку заказов, обсуждение деталей с клиентами и выстраивание логистики. Я же в большей степени отвечаю за техническое и стратегическое развитие: сам сделал сайт за одну ночь, настроил интернет-рекламу [собеседник добавляет: при этом сарафанное радио работает не менее эффективно], занимаюсь внедрением технологий, анализирую возможные направления роста и вместе с партнером принимаю решения по дальнейшему движению компании.

— Не возникало внутреннего барьера, некоего странного ощущения? Все же такое дело — не самое тривиальное и довольно чувствительное.

— Моя инженерная деятельность во многом связана с постоянным погружением в новые предметные области, где приходится быстро разбираться в незнакомых процессах и технологиях. Поэтому адаптация к новым сферам для меня — привычная часть работы.

Наоборот, мне это нравится — помогать людям. Я сам столкнулся с уходом отца во время пандемии коронавируса, так что весь процесс выбора памятника, его создания, установки, другие сопутствующие процессы понимаю изнутри. Последнее, что мы можем сделать для близкого, — облагородить место, где он покоится.

Где выгоднее: в IT или в ритуальном бизнесе?

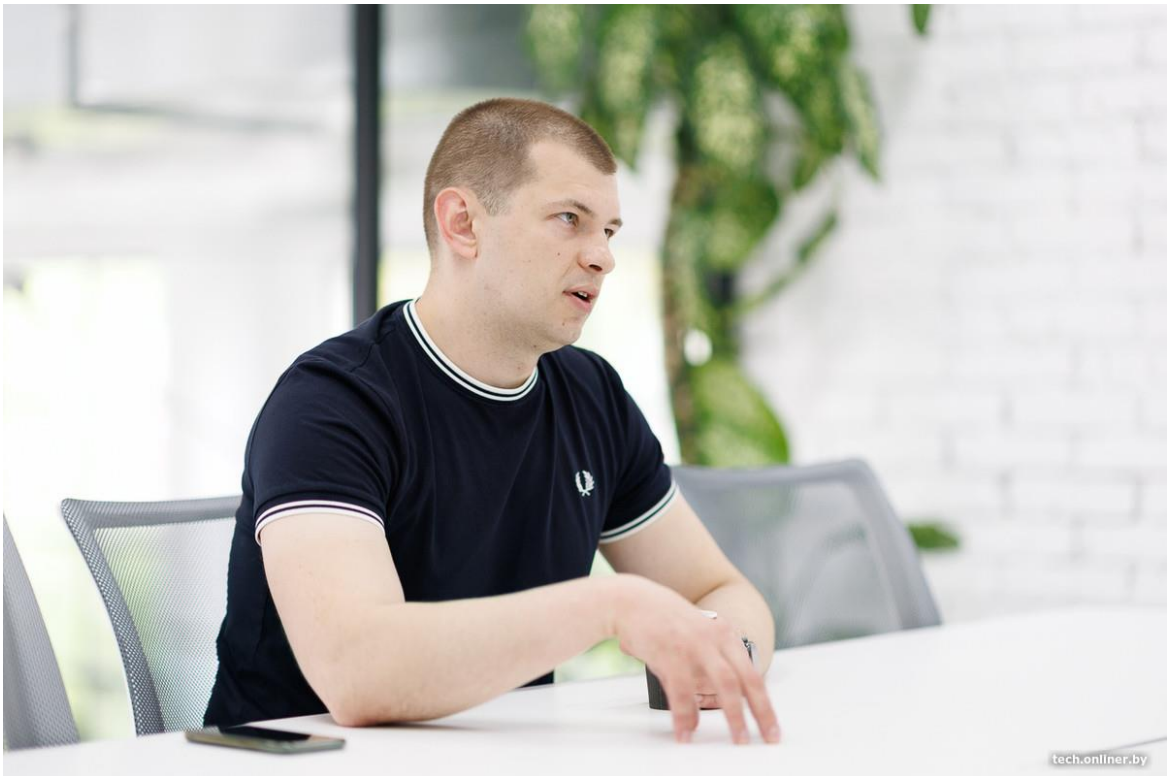
Спрашиваем, насколько это прибыльный бизнес. В частности, интересуемся, где Максим ощущает себя свободнее в финансовом плане: на работе по профилю, в IT-компании, или в ритуальном деле?

— Скажем так: в ритуальном бизнесе я занят около двух лет. За это время я еще не «вынул» оттуда ничего. Мы раскручиваемся, чтобы существовать. Сфера очень конкурентная, начиная с крупных компаний с собственным производством [памятников] и заканчивая ребятами поменьше, кто занимается только их монтажом. Инвестиции были с моей стороны, из собственных накоплений, — пока они еще не окупились, все идет на развитие.

В разговоре уточняется, что фактическим производством памятников Максим с партнером не занимаются: за «резку» отвечают специальные производства, с которыми они сотрудничают. При этом в их компании, как заявляет собеседник, готовят проект самого памятника, подбирают вид гранита, организуют установку на месте и проводят финальный контроль качества.

— Чаще всего клиенты приходят с какими-то пожеланиями: могли увидеть памятники в каталоге или где-то вживую. Выслушав пожелания заказчика, мы привлекаем дизайнера — хотя сейчас делаем это уже реже, — прорисовываем макет, делаем 3D-модель. Клиент вносит правки. Дальше — подписание договора и начало работы.

«Никогда не сталкивался с негативом в отношении ИИ»

Со слов Максима, для разработки макетов памятников дизайнеров в их компании стали привлекать реже. Уточняем почему.

— *Мы стараемся использовать искусственный интеллект. Сейчас качество генерации на довольно высоком уровне. Иногда получается. Иногда — нет. Бывает, что модель «галлюцинирует». Например, выставляет не те размеры. Но все чаще получается сделать макет с помощью ИИ.*

Хотя, как заявляет собеседник, развитие ИИ-систем, если речь про крупные компании со сложными заказами, полностью от необходимости иметь на подраде или в штате художника/дизайнера пока не избавляет: чтобы уйти от неточностей в ИИ-генерации, может понадобиться «написать отдельный программный продукт». Что само по себе — отдельная задача.

— **Клиенты нормально воспринимают подобные технологии в столь личной теме, нет отторжения?**

— *Скажем так: в данной сфере еще пять лет назад вообще не делали 3D-макеты — сейчас ситуация изменилась. При этом люди скорее смотрят на отношение к ним и на подход к работе в целом. Все понимают, ради чего здесь собрались. Я никогда не сталкивался с тем, чтобы [к ИИ-макетам памятников] относились негативно.*

Под конец разговора задаем еще несколько вопросов. Первый касается планов на будущее. Второй звучит так: **«Вы работаете одновременно с технологиями и с темой памяти о человеке после смерти. Это как-то изменило ваше отношение к жизни?»**

— Конечно, мы стремимся развивать дело, вывести его «в плюс». Но для меня это скорее не источник дохода, а своего рода отдушина, продолжение истории близких. С моим крестным, занимавшимся памятниками, мы были очень дружны — хотелось бы продолжить его дело. Дело своего отца я тоже отчасти продолжил, получив военное образование. При этом сфера IT остается моим основным направлением деятельности. Что касается второго вопроса — не сказал бы, что это кардинально изменило мое отношение к жизни. Скорее работа в сфере порой напоминает о ценности времени и близких.